

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

ВЗГЛЯНИТЕ на фото. Конечно, вы сразу же узнали этого человека и тут же вспомнили многих героев, которым он дал жизнь на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького, на киноэкране. Их лица притягательны, характеры сложны и противоречивы, порой — парадоксальны. И одновременно лауреат Государственной премии РСФСР, народный артист СССР Владислав Стржельчик — виртуозный мастер сценической формы, который для создания образа привлекает все средства актерской выразительности.

— А ведь вы, Владислав Игнатьевич, среди своих коллег на особом месте: имею в виду то, что вы не только актер БДТ, но и воспитанник этого театра...

— Поэтому и стаж у меня здесь уже весьма солидный: срок пятый сезон... В школе учился с Егором Лариковым, а его отец был ведущим актером БДТ. Вместе занимались в драмкружке, вместе смотрели все спектакли театра на Фонтанке. Еще не закончив десятого класса, выдержал экзамен в школу-студию при театре, которой руководил Борис Андреевич Бабочкин, и к тому же через три дня одновременно оказался принятым в труппу вспомогательного состава. Это произошло 20 марта 1938 года... А спустя месяц уже играл в спектакле «Кубанцы». Роль была, конечно, небольшая, но — «со словами»... Так как пришел сюда, по сути, мальчиком, театр стал мне, без преувеличения, вторым домом...

— Только война смогла разлучить вас?

— Да... Осенью сорокового года призвали на действительную. Военную подготовку проходил в 24-м корпусном артполку, потом, в войну, командовал орудием, получил звание старшего сержанта. Если обстановка на фронте позволяла, нас, «артистов», собирали в агиттеатр или ансамбль, мы давали концерты, потом — опять в часть... Только в сорок шестом вновь вышел на знаменитую сцену. Случалось, получал завидные приглашения в различные столичные коллективы, но изменить БДТ — выше моих сил...

— Не пытались ли сами для себя сформулировать: чем вам этот театр дорог?

— Чем интересен наш театр — об этом, наверное, в первую очередь должен сказать зритель. Что же касается моего мнения о БДТ, то, пожалуй, сильнейшая сторона нашей режиссуры — в постоянном желании и способности найти первооснову явления.

— Существует мнение, что Георгий Александрович Товстоногов сделал вас характерным актером. Разделяете это мнение?

— Пожалуй, не на все сто процентов, потому что мне и раньше доводилось исполнять характерные роли — например, в «Больших хлопотах», помнится, играл одного жулика из торговой сети... Однако правда: несмотря на то, что работали со мной режиссеры просто великолепные (Борис Андреевич Бабочкин, Владимир Платонович Кожич, Ефим Григорьевич Альтус, Иван Семенович Ефремов, Наталия Сергеевна Рашевская), мои данные между тем эксплуатировались чаще всего в одном направлении... Казалось бы, только радоваться — столько разных героев переиграл: и Лель, и Яровой, и Рюи Блаз, и Энтони Грехэм, и Райский... Но в этом красивом, «героическом» наборе для молодого артиста таилась явная опасность, что сразу же понял Георгий Александрович Товстоногов, с приходом которого в БДТ вообще резко изменилась сама эстетика нашего театра, вступившего в борьбу со всем привычно театральным. Так вот, новый режиссер решил «сдвинуть» меня в русло острохарактерности, поручив сразу же в «Безымянной звезде» роль Грига... А потом Репетилов, Ганя Иволгин, Цыганов, Кулыгин — список получается длинный... — Хорошо помню эти ваши роли да и, пожалуй, все дру-

гие, сыгранные за последнюю четверть века, и к каждой, конечно, — свое отношение. А вы сами какую из них выделяете для себя особо? Или, может, скажете: та, которая еще впереди?

— Да, тут я неоригинален: любимая роль — следующая... А вообще-то, честно говоря, не принимаю подобного деления ролей на «любимые» и «нелюбимые». «Нелюбимая» — под такой, наверное, кто-то подразумевает роль, которая дается особенно трудно, в которую актер вкладывает особенно много сил и нервов... Но разве мать с больным ребенком не поступает точно так же? А ведь материнская любовь от этого

— А вы сами ощущаете — удалась та или иная роль или нет?

— Определить это непросто, ведь градусника, к сожалению, не поставишь... Как бы объяснить поточнее... Ну вот мне приходилось на море попадать в шторм. Выплывть непросто, но собираешь силы и наконец с помощью набежавшей волны оказываешься на берегу... И потом, лежа на гальке, вдруг испытываешь ощущение необыкновенной легкости — такое же примерно чувство приходит, когда зритель не только слушает меня, но и СЛЫШИТ. Для меня очень важно это — ощутить, что боль моего героя попала в сердце зрителя. Дыхание зала мне очень дорого...

— В кинозале, на «своем» фильме, тоже прислушиваетесь к дыханию зала?

— Конечно. И в единстве с тем, что я сам вижу на экране, что сам ощущаю, глядя на себя со стороны, дыхание зала дает мне как актеру обильную пищу для размышлений. Ведь в театре взглянуть на себя со сторо-

ую, то всегда над этим как бы иронизирую...

— Попробуйте на мгновение вообразить себя не актером — какую профессию предпочтете тогда?

— Однажды в перерыве между съемками «Войны и мира» под Мукачевом меня пригласил на прогулку лесник. Молодой человек в экзотической шляпе с пером был в лесу как в собственном доме: разные зверюшки его понимали, птицы садились на плечо... Человек был с природой «на ты», и в мое сердце невольно закралась хорошая зависть...

— Назовите, пожалуйста, качество, которое больше других цените в своих коллегах.

— Полную самоотдачу. Конечно, это вовсе не означает, что на сцене надо орать, но вот не щадить себя в искусстве — непременно. Именно так в БДТ работали мои старшие товарищи... Мне за долгие годы пришлось в театре делать все. Например, в «Благочестивой Марте» исполнял испанские танцы, а в «Много шума из ниче-

Владислав
СТРЖЕЛЬЧИК:

«Ищу в герое сердце...»

становится лишь острее... Помню, например, как трудно давалась мне роль Цыганова в «Варварах» — прежде всего из-за возрастной разницы. Даже попросил отложить премьеру с весны на осень, чтобы было время как-то сжиться с Цыгановым, побыть с ним наедине... Георгий Александрович понял мое состояние, пошел навстречу — и потом все обрзовалось...

— Роли — разные, но есть ли у вас, как исполнителя, какая-то общая, ну, что ли, сверхзадача? Что вы прежде всего ищете в своих героях?

— Откровенно говоря, в таком вот общем плане никогда над этим не задумывался. Что же я в них ищу? Пожалуй, прежде всего — доброту, и это, может, потому, что на войне особенно остро ощутил, каким бывает зло. Да, прошедшую войну пропускаю через себя снова и снова, остро вспоминая, как много мальчиков из нашего класса так и не вернулось с фронта... Прежде всего ищу сердце своего героя, и герой мне дорог особенно, если сердце у него доброе. Такое, к примеру, как у Саши Мошкова из «Традиционного сбора», который даже согласен потерять для себя горячо любимую Агнью — только во имя того, чтобы с другим человеком она состоялась как личность... Или — Кулыгин в «Трех сестрах». Когда готовил эту роль, эпиграфом к ней поставил слова: «Гимн любви!». Решительно не желал воспринимать своего героя как «чиновника», «мещанина», ведь этот провинциальный учитель, который многим прежним исполнителям представлялся некоей разновидностью «человека в футляре», на самом деле был просто переполнен высокой, жертвенной любовью к Маше.

ны невозможно, а здесь смотрю фильм и понимаю: тут — мой просчет, тут — неудача оператора, а тут — режиссер недотянул...

— Есть ли такая роль в кинематографе, о которой давно мечтаете? Судьба, которую стремитесь воплотить на экране?

— Есть. Это — Бетховен. Какое счастье для актера: проникнуть в мир человека, который, не слыша собственной музыки, мог ТАК слышать, ТАКУЮ музыку создавать... Судьба музыканта мне вообще интересна, поэтому с огромной радостью работал над образом Николая Рубинштейна в фильме Таланкина «Чайковский». Очень хотелось, чтобы зритель понял его — влюбленного в музыку, в жизнь, блестящего, ироничного, всегда неожиданного, противоречивого...

— А в театре — каких ролей ищете?

— Пожалуй, рискнул бы сыграть Барона в «На дне» или Маттиаса Клаузена в пьесе Гауптмана... Есть у меня и свое видение Фамусова, есть свое «оправдание» Макбета и Яго (если их вообще можно оправдать). Да и в хорошем мюзикле тоже «рванул» бы с удовольствием...

— Не помню: до «Ханумы» вы были на сцене?

— Немножко приходилось... Я ведь хорошо понимаю, что умный режиссер никогда не поручит мне что-то спеть всерьез, а если без претензии, то это, наверное, можно... Помнится, в молодости я хорошо фехтовал, но и тогда бы не вышел на сцену, чтобы всерьез показать свой «спортивный класс». Дилетантство — штука опасная, претенциозность неприятна. Поэтому, если на сцене пою или тан-

го» — танец медведя (когда меня, как водолаза, вытаскивали из медвежьей шкуры, минут пятнадцать лежал пластом — и все равно был счастлив). Борис Андреевич Бабочкин определил меня заведовать шумовой бригадой: магнитофонов тогда не существовало, все шумы создавали сами, «вживую». Например, чтобы получить гром, мы с Беном Бенциановым (да, в те годы этот ныне известный артист эстрады играл в БДТ) буквально повисали на канатах — и там, наверху, чугунные шары начинали грохотать по железным листам... Однажды понадобилось изобразить шум работающей доменной печи. Взял командировку на завод, стоял у печи, слушал — как все это воспроизвести на сцене? Наконец осенило! Мы терли перед микрофоном один воздушный шар о другой, рядом еще кто-то ломал о колено большие лачины — и «печь» получилась...

— Судя по всему, этому принудили самоотдачу вы уделяете не только в театре, но и в жизни вообще. Я тут начал считать ваши общественные обязанности: заместитель председателя Ленинградского отделения ВТО, председатель совета Дворца работников искусств, депутат Ленгорсовета...

— Есть еще одна очень важная должность: вместе с коллегами являюсь членом бригады коммунистического труда цеха № 2 Ижорского завода и каждый квартал отчитываюсь перед рабочими в том, что доброго удалось сделать за это время, а они рассказывают о своих делах. В общем, соревнуемся...

Вел беседу
и сфотографировал артиста
Лев СИДОРОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД